

Алексей Коблов

ЕГОР ЛЕТОВ

И ГРУППА

«ГРАЖДАНСКАЯ
ОБОРОНА»

18+



Легенды русского рока

Алексей Коблов

**Егор Летов и группа
«Гражданская оборона»**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6-8

Коблов А. Л.

Егор Летов и группа «Гражданская оборона» / А. Л. Коблов —
«Издательство АСТ», 2021 — (Легенды русского рока)

ISBN 978-5-17-114192-9

История группы «Гражданская оборона» и жизни Егора Летова с трудом поддается подробному и объективному описанию. Летов так долго запутывал следы, что изучение его феномена становится занятием трудновыполнимым, но очень увлекательным. Чрезмерный пиетет и частая прямая речь, лихие ретроспекции и парадоксальные ассоциации, удивительные пристрастия и субъективные оценки прилагаются как они есть. Это вторая книга Алексея Коблова о Егоре Летове и группе «Гражданская оборона», являющаяся расширенной и дополненной версией книги «Егор Летов. Моя Оборона». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-17-114192-9

© Коблов А. Л., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Мое описание меня бережет	6
В начале было Слово	8
Жизнь замечательных людей	10
Легенда о доблестном	12
Разговоры в Сибири	14
Говорило железо магниту	15
Наши	17
Анархия	19
Время	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Коблов

Егор Летов и группа

«Гражданская оборона»

«Рок-н-ролл для меня – это движение, это секс, наркотики, праздник, радость, это рок-революция. У нас этого не было. Я пытался это сделать и сделал в одиночку. И получилась вот такая автономная революция для себя. Это не мировое явление, это я здесь, получается, отстаиваю те же самые ценности, что мои братья по фронтам в Сан-Франциско 60-х, в Нью-Йорке 70-х. Вот они воевали фронтами, а я здесь представляю маленькое отделение всего этого рок-фронта. Вот поэтому я склонен причислять себя к ним, а не к этим вот окружающим меня человечкам. Это очень важный момент, которого, видимо, никто не понимает. То, что мы вдвоем с Кузьмой создали, – сродни тому, что сделали MC 5, VELVET UNDERGROUND, THE DOORS, NEW YORK DOLLS и т. д. И это оказалось здесь на хрен никому вообще не нужно. Никто это даже не понимает и не слушает.

Вообще, вся беда нашей сцены в том, что наш народ ничего не читает, не знает, не слушает и не видит. И не испытывает в этом никакой нужды».

Егор Летов, Омск, сентябрь 2004.

В оформлении книги использованы фотографии Алексея Маркова, Алексея Устимова, Юрия Чашикина, Александра Солуянова, Анны Волковой, Геннадия Авраменко, Льва Гончарова, Сергея Попкова и Натальи Чумаковой.

В оформлении обложки использована фотография Алексея Устимова.

Литературное редактирование текста *Анны Герасимовой.*

© Алексей Коблов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Мое описание меня бережет

История «Гражданской Обороны» и Егора Летова с большим трудом поддается подробному и объективному описанию, а тем более – такому краткому. Летов столь долго запутывал следы, что изучение этого феномена становится занятием в равной степени увлекательным и трудновыполнимым. Настоящее переплетается с прошлым, будущее, которого вроде как и нет, тоже не дает ответа, цитаты, вырванные из контекста, кажутся чужими, в итоге остается некий след от самолета, давно, далеко и безвозвратно улетевшего в неведомые дали. Но надо же с чего-то начинать, пока многие свидетели и очевидцы еще живы, относительно здоровы и находятся в трезвом уме и здравой памяти. А там, возможно, последует и продолжение, более подробное и насыщенное. Чрезмерный пиетет и частая прямая речь, лихие ретроспекции и парадоксальные ассоциации, удивительные пристрастия и субъективные оценки прилагаются, как они есть.



Москва, 4 декабря 1988 года, выступление «Гражданской Обороны» на фестивале «СыРок» в киноконцертном зале гостиничного комплекса «Измайлово», фото Юрий Чашкин.



Москва, 4 декабря 1988 года, выступление «Гражданской Обороны» на фестивале «СыРок» в киноконцертном зале гостиничного комплекса «Измайлово», фото Юрий Чашкин.

В начале было Слово

В 2019 году, когда велась работа над этой книгой, у группы «Гражданская Оборона» и её лидера Егора Летова было сразу две круглых даты. 10 сентября 2019 года Егору исполнилось бы 55 лет, а 8 ноября 1984 года – 35 лет назад образовалась «Гражданская Оборона». Точнее сказать, именно в канун годовщины Октябрьской социалистической революции Егором было придумано это название, и они на пару с Константином Рябиновым решили, что будут играть нечто невиданное и удивительное, чего до них не было нигде и никогда. Летов стал Дохлым Егором, или Джа Егором, или далее по списку, а Рябинов – Кузей УО, то есть Умственно Отсталым, или Кузей, или Кузьмой, как его часто кличут и по сей день. У Егора уже была до этого группа «Посев», существовавшая с 1982 года, исключительно как домашний проект, ни о каких публичных концертах в то время не могло быть и речи. Но именно встреча с Кузьмой и положила начало настоящей, бурной и кипучей истории великой русской рок-группы, «национального достояния», как спустя многие годы будут называть «ГО» в глянцевах журналах. Это было сродни вроде как случайному и в то же время предначертанному знакомству Мика Джаггера и Кита Ричардса или Джона Леннона и Пола Маккартни. Понятно, что в дальнейшем не обошлось без своих условных Джорджей Харрисонов, Чарли Уоттсов, Ринго Старров, Брайанов Джонсов, Биллов Уаймэнов, Миков Тейлоров и Ронни Вудов, а также других немаловажных граждан, придавших дополнительной яркости этому буйству красок, но у истоков этого потрясающего и дикого коллектива изначально стояли двое – Егор, который все это придумал, и Кузьма, который с радостью к этому примкнул.

Даты, юбилеи и годовщины отечественных рок-групп не сказать, чтобы совсем уж притянуты за уши, но тут надо понимать: в самом начале никто и подумать не мог, как оно обернется. Посему ранние периоды жизни и творчества Летова теперь, спустя годы, видятся как эдакий *From Genesis to Revelation*, *«из родной кровати да в последний раунд, из крейзовой благодати да в андеграунд»*. Да, собственно, так оно и было – *«Мы вышли за рамки людских представлений и даже представить себе не могли»*. Каждая история сама по себе бесценна и уникальна, но тогда не было не то что надежды на выход всей этой музычки, песен и стихов за пределы квартир и вынужденного подполья – не было вообще ничего, была только вера и четкое понимание, что это делать НАДО. Впрочем, это касается не только «Гражданской Обороны», но и, наверное, всех остальных людей, ныне называемых «легендами нашего рока», как здравствующих, так и покойных. И очень часто лучше всего они о себе говорят сами. А уж в случае с Егором Летовым – и подавно: он так и не написал автобиографии, равно как и истории своей группы, и даже посмеивался на эту тему на одной из пресс-конференций, напевая старую песенку из репертуара группы «Аракс»: *«Скоро стану я седым и старым. Уйду на пенсию писать свои мемуары»*. Но от частого цитирования прямой речи Егора и его поэзии, равно как и от своих собственных личностных воспоминаний, ретроспекций и ассоциаций, тут никуда не деться.



Москва, 4 декабря 1988 года, выступление «Гражданской Обороны» на фестивале «СыРок» в киноконцертном зале гостиничного комплекса «Измайлово», фото Лев Гончаров.

Жизнь замечательных людей

Глупо, наверное, искать в детстве и юности человека, будь то поэт, музыкант или художник, или все это вместе, какие-то специальные знаки, предвестия, признаки будущего таланта и прочие надуманные штуки. *«Кто здесь самый главный анархист?»* Иначе все скатывается к маловразумительным телепрограммам сродни «Дети-вундеркинды», где в двухлетнем ребенке якобы открываются космические бездны. Что, впрочем, не отменяет того, что Егор Летов – безусловный и очевидный визионер, проводник, часть той неведомой силы, через которую и идет весь этот поток энергии, слова и света. Все это происходит не случайно, и всему этому, само собой, нет объяснения. На поверхности остаются песенки, которые можно горланить под гитару, слушать в записи и смотреть на видео, а в глубине бушуют материи совсем другого масштаба. Метафизика и экзистенциальное тут смешиваются с бытовым и обыденным, как ни крути. Прекрасное словосочетание «Жизнь замечательных людей», иногда понимаемое превратно, в данном случае имеет прямейшее отношение к этим самым людям. Они же и вправду замечательны, и очевидцы этого невероятного не позволят соврать.

Тем временем в столицах ни о какой «Гражданской Обороне», не говоря уже о «Посеве» (группе, а не диссидентском журнале), никто ничего не знал. И только когда на местах боевой славы начались нешуточные гонения и черные «Волги» с сотрудниками КГБ стали забирать музыкантов-подпольщиков на допросы прямо из дома, отправив в итоге Летова в психушку, а Рябинова в армию, смутные слухи о неведомом доселе явлении начали доходить и до центра. Немалую роль в этих разговорах о «ГО» сыграл старший брат Егора Сергей Летов, ненавязчиво показывавший в концертных кулуарах деятелям московского и питерского андеграунда черно-белые фото со странными людьми, выглядевшими чрезвычайно вычурно. Вот, говорил он, мой брат Игорь, его ужасно гнобят в Омске за его стихи и музыку и хотят со свету сжить, и если, мол, это не прекратится, то Сергей соберет иностранных журналистов и расскажет им правду, скрывающуюся за фасадом перестройки. И даже если не слышать и не знать ни звука, не представляя, что это за брат и что он там играет, сочиняет и поет, возникало ощущение, что это нечто из ряда вон выходящее. Своих в то время опознавали и чувствовали с полупамятки, подмигивания, взгляда невзначай, а часто и вовсе без слов. Это было похоже на роман по переписке, свидание вслепую, веру на слово, попытку поверить в неведомое и оттого долгожданное. Ведь должно же оно где-то быть, то, чего доселе еще не было. И в итоге так и случилось. И совершенно не важно теперь, кто в чем тогда признался на допросах – а вызывали туда всех, кто так или иначе дружил и общался с Летовым, – кто оказался стукачом и кто кого заложил из тогдашнего окружения Егора. Если уж великие разведчики прошлого не выдерживали пресса и открывались, при всей их подготовке к худшему, то что говорить о молодых людях из Сибири, угрозы в адрес которых были совсем нешуточными.

При этом спустя ровно год с того момента, как образовалась «Гражданская Оборона», 7 ноября 1986 года, в Новосибирске, в Академгородке, ставшем потом одним из любимых мест обитания и выступлений Егора и его новообретенных друзей и соратников, состоялось первое публичное выступление группы. Уже в новейшие времена, осенью 2018 года, эта запись, ранее считавшаяся утерянной, под названием «Песни в пустоту» была выпущена на CD издательством «Выргород». В сопровождающем издании анонсе подготовившая его Наталья Чумакова написала: *«“Гражданскую Оборону” Егор и Кузьма (Константин Рябинов) основали осенью 1984 года, но выступить группа так ни разу и не успела: из-за заведенного в КГБ дела Кузьму в срочном порядке призвали в армию, Егора отправили в психбольницу, а все соратники в ужасе разбежались кто куда. Выйдя из психушки, Егор, еще не будучи коротко знаком с братьями Лиценко (с которыми они в 1987 году оглушающе выступили на I Новосибирском рок-фести-*

вале), искал людей, с которыми можно было бы продолжать какие-то совместные действия, и в этот момент к нему присоединился Jeff – Евгений Филатов. С ним они даже сумели записать первый вариант “Красного альбома”, который Егор впоследствии назвал “курьезом” из-за безобразного качества исполнения.

В Новосибирске у Егора был старинный друг Иваныч – Александр Рожков, математик и флейтист. В своей квартире в поселке Матвеевка, что между Новосибирском и Академгородком, он начал устраивать сейшени. Собиралась там исключительно “элита” местного андеграундного рока. И сама собой пришла идея пригласить туда выступить никому тогда абсолютно не известного омского музыканта Егора Летова, послушать которого и пришел тот самый бомонд в количестве примерно четырнадцати человек. Праздничной атмосфере должна была как бы способствовать дата 7 ноября – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Скорее всего, эти люди – а был там и Дмитрий Селиванов, и музыканты группы “БОМЖ”, и прочие много о себе понимающие граждане – даже не поняли и не смогли уразуметь, что они там услышали и как на это реагировать. Я думаю, что именно тогда, после этого первого выступления под именем “Гражданская Оборона”, да и вообще первого исполнения своих песен перед посторонними, Егор полностью изменил свое отношение к публике. Теперь только агрессия и эпатаж. Запись далась Иванычу сложно – он был вынужден не только подыгрывать группе, но и следить за магнитофоном, который не удалось надежно установить. Поэтому аппарат временами кто-то отключал, задевая, и некоторые куски концерта попросту выпали. Затем, уже по приезде в Омск, Егор и Jeff дописали туда свеженарисованные под впечатлением от произошедшего песни, а также “Речи и рассуждения” (так Егор определил этот монолог при оцифровке в 2005-м). Несмотря на то что почти никто об этом и не подозревал, запись сохранилась полностью и действительно образовала отнюдь не мифический альбом “Песни в пустоту”. Я решила ничего не изменять в нем, не выбрасывать песни, пострадавшие от остановок магнитофона, и не сокращать длинные паузы – пусть все останется так, как это отпечаталось на пленке».

А в финале своего письма Валерию Рожкову Егор, рассказывавший о том, что случилось в Новосибирске, пишет: «О поездке в Н-ск мы написали новую песню – “Мы – лёд”». Тот самый, под ногами майора.

Легенда о доблестном

Настоящий и лютейший прорыв случился уже после гонений. Егор успел чудом не сойти с ума за три месяца в психиатрической лечебнице закрытого типа, Кузьма, несмотря на вполне законное право на «белый билет», отслужил два года в сапогах на Байконуре, откуда постоянно писал Летову письма, одно другого краше. Тем временем по стране расползались слухи и легенды. А в 1987 году в народ пошли записи «ГО». И тут уже все стало полностью и окончательно ясно. Но, опять же, не сразу. Помнится, на 5-м фестивале Ленинградского рок-клуба в 1987 году кто-то из дружественных журналистов пытался заставить меня послушать кассеты с «Обороной» с допотопного диктофона, откуда доносился только невнятный, невыносимый и неразборчивый скрежет, где невозможно было разобрать ни звука, ни слова. Увольте, увольте, только не это, я так не могу. А вот спустя кратчайшее время появились и вполне пристойные записи, и вот тогда они сработали. Гранаты оказались той самой системы, какой надо. Мы тогда еще не знали, что все эти альбомы Егор записал самолично, один, играя на всех инструментах, и разве что вставной номер «Печаль моя светла» Янки Дягилевой выглядел такой шутливой песней от «басистки “ГО”», коей она не являлась, да так и не стала. Да и слово «бас» Егор всегда предпочитал писать с двумя «с», уточняя, что «бас» – это Федор Шаляпин. Есть записи – есть группа, пусть это и всего один человек на самом деле.

Егор Летов: *«Летом 1987 г. виртуальной фирмой “ГрОб-Records” были одновременно выпущены в подпольное распространение пять магнитоальбомов – “Красный альбом” (в выходных данных намеренно неверно датированный 86-м годом), “Мышеловка” (тоже якобы 86), “Хорошо!!”, “Тоталитаризм” и “Некрофилия” (все три – 87). Все эти опусы были записаны единолично мной у себя дома (“ГрОб-студия”) в первых числах июня 1987 г. путем последовательного наложения инструментальных партий одна на другую. Сначала писались ударные, затем – ритм-гитары (преимущественно на отдельный канал), бас (на другой канал или же – на оба) и, в конце концов, – голос, одновременно с гитарным соло. Впоследствии, при сведении, все полученное собиралось в определенной последовательности и пропускалось через некую delay-образную обработку оригинального, не имеющего аналогов свойства – и альбом был готов. Записывающим агрегатом являлся магнитофон “Олимп-003”, на мой взгляд, лучший из отечественных бытовых лентопротяжных механизмов на тот момент. В качестве воспроизводящих, “читающих”, использовались различные устройства в той или иной степени самопального происхождения, специально отстроенные для коррекции высоких и низких частот, их повышения или подавления в процессе многократных наложений партий на болванках. Этим объясняется некое осязаемое отличие звучания отдельных треков и в целом альбомов между собой. Так как это был мой первый опыт осуществления подобной записи в жестко-бытовых условиях и в столь короткий срок (буквально дней за пять от начала и до конца), все это действо носило крайне экспериментальный, экстремальный характер, со всеми вытекающими из этого радостными достижениями и досадными изъянами. “Печаль Моя Светла” – самая первая песня Янки, которую она накануне как раз сочинила, да и вообще первая ее запись».*



Москва, 19 февраля 1989 года, Янка Дягилева, концерт «Гражданской Обороны» и «Великих Октябрей» в ДК МЭИ, фото Лев Гончаров.

Разговоры в Сибири

Но это в центре в то время еще толком не знали о «Гражданской Обороне». 12 апреля 1987 года на I Новосибирском рок-фестивале состоялся первый большой публичный концерт «ГО», точнее, Егора Летова и группы товарищей из омского коллектива «Контора Пик & Клак-сон». Братья Лищенко, Олег (он же Бэбик) и Евгений (он же Эжен), были, по словам Егора, немногими – наравне с Евгением «Джеффом» Филатовым (не путать с Игорем «Джеффом» Жевтуном), – кто решился в то время иметь с ним дело, в остальном была полная изоляция: после истории с КГБ его сторонились, как чумного. Выступление вышло абсолютно спонтанное и случайное – в программе возникло свободное место из-за не приехавших на фестиваль «Звуков Му» и «Аукциона» (тогда еще через «и»). Сценическая версия «Клаксонов» в данном случае называлась «Адольф Гитлер», о чем, как несложно догадаться, знали только сами музыканты и больше никто. Не лишним тут будет заметить, что условные «панки» и условные «фашисты» в 1980-е годы в массовом сознании шли «через запятую» и были неким зловещим фетишем, красной тряпкой для обывателя и «охранителей», белыми воронами, изгоями, врагами. Впрочем, это касалось всех «не таких»: хиппи, рокеров, любых молодых людей, выглядевших не так, как должно, и никакая перестройка тут не работала, а в глубинке и провинции подавно. Первая часть выступления состояла из песен Лищенко: известной впоследствии «Эй, брат любер», а также композиций с названиями «Майн Кампф» и «Третий рейх», вторая – из вещей Егора: «Тоталитаризм», «Я бесполезен», «Зоопарк» и «Страна дураков», для того времени вполне достаточно, чтобы комсомольцы из числа организаторов сильно разозлились. Спустя годы становится видно, что это первое выступление – как было сказано впоследствии кем-то из журналистов самиздата, «панк-рок в СССР существовал всего 25 минут» – не было таким уж массовым прорывом, его значение несколько преувеличено последующей историей широкой популярности «Обороны», да и реакция публики не была однозначно восторженной, многие тогда так и не поняли, что это было. Но для Сибири это был шок и скандал. Именно благодаря дебошу в Новосибирске Егор познакомился с Янкой Дягилевой, Вадимом «Черным Лукичем» Кузьминым и другими прекрасными людьми, которые вскоре стали его друзьями и соратниками. В плане провокации все удалось, и в Омск была отправлена официальная депеша о безобразной вылазке оголтелых фашистов-антисоветчиков, а по ее прибытии через некоторое время снова начались вызовы людей из тамошней тусовки на допросы в КГБ. Ну а Летова уже по сложившейся традиции собирались отправить обратно в сумасшедший дом для полного и окончательного излечения от всех недугов. И он отправился в бега, вместе с Янкой Дягилевой. И кочевал по стране, скрываясь от «органов» несколько месяцев, никому особо не известный и никем, кроме самых близких и знакомых, не узнаваемый. А в стране тем временем началась волна больших рок-фестивалей, самым значительным и громким из которых стал фестиваль в Подольске в сентябре 1987 года, настоящий советский Вудсток. Я там тоже был, и Егор там был, но мы тогда совсем не были знакомы, и я даже не знал, как он выглядит – таких веселых и расписных граждан, как мы тогдашние, там было несколько тысяч, один другого краше. У Летова даже были спонтанные планы выступить на фестивале в Подольске, вместе с Ником Рок-н-Роллом, выйти под шумок во время сета новосибирской группы «БОМЖ» и спеть и сыграть что-то из своих песен, но организаторы эту инициативу совсем не одобрили. На видео Подольского фестиваля можно увидеть, как молодой Егор радостно рубится на выступлении эстонских панков J.M.K.E., чрезвычайно колоритных для того времени и для наших широт, словно прилетевших с другой планеты. Не сказать, чтобы эти эстонцы играли тогда нечто совсем уже из ряда вон выдающееся и вопиющее, но сам их внешний вид, поведение, манера держаться на сцене, звук казались тогда самой изысканной провокацией.

Говорило железо магниту

Ну а записи «ГО» тем временем планомерно распространялись, точечно и массово, как ковровые бомбардировки; Егор передавал катушки со своими альбомами нужным и правильным людям в Москве и Питере, с которыми он целенаправленно знакомился, и они расходились в итоге бесконечными копиями. Почва, таким образом, была вспахана уже весьма основательно. Начав в юные годы с поэзии – а Летов всю свою жизнь не устал повторять, что он прежде всего поэт, – он увидел, насколько шире становится аудитория, когда записываешь музыку и выходишь на сцену.

Егор Летов: *«Я крайне против того, чтобы вообще где-либо печатались тексты моих песен. Просто негодую. Песня – это песня, и текст ее имеет свою значимость лишь в общем песенном контексте. А это – и энергия исполнителя, и мелодия, и гармония, и ритм, и еще куча необходимейших компонентов. Я вот не воспринимаю (во всяком случае в полной мере) песен Высоцкого или Башлачева на бумаге – это надо слушать. Или петь самому. Иначе ничего настоящего, ничего целого не возникает».*

Речь в данном случае шла, конечно, не о текстовых вкладышах в пластинки, о которых тогда и мыслей быть не могло, а о публикациях текстов песен в отечественном рок-самиздате. Впрочем, история и мифология в жизни и творчестве Летова постоянно переплетались, «на все четыре стороны – попробуй поймай». Как и его рассказы разных лет о себе и о том, что творилось вокруг него всю его жизнь, сотканные из противоречий и сиюминутных эмоций.

И этот побег в 1987 году из коридора психиатрического диспансера, когда на лестнице уже раздавались шаги санитаров, и скитания вместе с Янкой, путешествия автостопом от Москвы до Киева, от Киева до Крыма и обратно в Москву, ночевки в поле, голод, поэзия, любовь и счастье – сюжеты для фильмов и книг, которые, как казалось тогда, вряд ли будут сняты и вряд ли будут написаны. Тут что-нибудь одно – или снимать, или жить, как будет сказано им же впоследствии. Охота на настоящее, которое случится уже вот-вот. Егор Летов не возник из ниоткуда, все свои ранние годы, да и всю свою последующую жизнь он жадно впитывал все подряд, пропускал через себя огромный поток музыки, литературы, кино – всего громко говоря, наследия человечества, которое о нем тогда еще толком и не знало. Многие из его первых поэтических опытов, доступных сейчас в сборниках стихов Егора, были тогда уже вполне зрелыми. Чего нельзя сказать о ранних записях полумифической группы «Посев», к которым сам Летов относился с изрядной иронией и юмором и категорически отказывался их распространять и издавать, когда уже появилась такая возможность. Фрагменты этих ранних опусов все же просочились по проществу времени в народ и доступны теперь в интернете в виде бутлегов, но интерес они представляют разве что для самых заядлых и пытливых коллекционеров и поклонников. Наивно искать там большие откровения и какие-то несусветные чудеса – скорее, это черновики, наброски, попытки нащупать то, что проявилось позже, уже в «ГО». Эта часть мифологии как раз из области поиска, охоты на зверя, игра в музыкантов, незрелая и неокрепшая. Как и голос Егора, который он тоже сделал себе сам, намеренно срывая его и делая глубоким и хриплым громким пением и криками во время прогулок по лесу и дома, в подушку, чтобы не нервировать соседей. В том самом омском лесу, где ему, по его собственным рассказам, как-то раз еще в глубокой юности открылось неведомое, нечто сродни озарению и откровению. Словно приоткрылась тайная дверца и случилось что-то, чему нет рационального объяснения.



Москва, 19 февраля 1989 года, Янка Дягилева, Игорь Жевтун, Егор Летов, концерт «Гражданской Обороны» и «Великих Октябрей» в ДК МЭИ, фото Лев Гончаров.

Наши

У Летова было определение «Наши», возникшее вне политического контекста и сильно задолго до появления этого самого контекста в его жизни. Нашими он предпочитал называть близких по духу людей, поисками которых и занимался в ту пору. *«Я ищу таких, как я, сумасшедших и смешных, сумасшедших и больных. А когда я их найду – мы уйдем отсюда прочь, мы уйдем отсюда в ночь – МЫ УЙДЕМ ИЗ ЗООПАРКА!»* А на ловца и зверь бежит, как известно. Другое дело, что Егор не только и даже не столько искал свой мир, он его сам в огромной степени и создавал. Легенда о таинственном, могучем и потрясающем «сибирском панк-роке», которую он активно продвигал в 1980-е годы, была не то чтобы абсолютной выдумкой, но говорить всерьез о некоем движении, захватившем умы, не приходилось. Тогдашние сибирские «Панки в своем кругу» – это считанные по пальцам люди, столь искренне и яростно верившие в чудо, прорыв, выход за флажки и столько отчаянных и рискованных поступков совершившие, что чудо не могло не случиться прямо здесь и прямо сейчас. Ну а вожаком этих подвигов, командиром и полководцем всей этой «психоделической армии» стал, вне всякого сомнения, Егор Летов. *«Как захочешь – так и было».*

Спустя год, вслед за скандальным, но при этом весьма локально прозвучавшем выступлении на I Новосибирском фестивале 1987 года, случилось и второе, уже в 1988 году и уже во всей, как говорится, красе. К тому времени дискография «ГО» пополнилась новыми альбомами, опять-таки записанными Егором в одиночку.

Егор Летов: *«Новый цикл из трех альбомов (“Все идет по плану”, “Так закалялась сталь” и “Боевой стимул”) родился после моего вынужденного полугодового скитания по стране по причине вновь начавшихся политических репрессий со стороны властей. Это случилось после нашего совместного с братьями Лиценко (группа “Адольф Гитлер”) скандального выступления на Новосибирском рок-фестивале весной 1987 года. Почти все песни данного цикла написаны во время поездок по трассе в компании Янки. Под новый 88-й год я на короткое время тайно вернулся в Омск (на пару недель). В результате материал был сыгран и записан мной единолично в предельно сжатые, сказочно-экстраординарные сроки – буквально за три отдельных дня в период с 12 по 22 января (в течение одного дня были записаны ударные, другого – бас и ритм-гитара плюс отдельные полтора дня – голос и соло одновременно). Эта спешка несколько объясняет общее скверное качество звучания. Тем более что мне катастрофически не хватало свободной ленты и средств на ее покупку. Буквально все лишнее тут же стиралось и перезаписывалось заново. Зато запись получила определенные плюсы со стороны “живости” и “непосредственности”. В треке “Все идет по плану” приняли участие случайно зашедшие в гости “Кузьма” Рябинов и “Манагер” Судаков. Их роль состояла в том, что в финальной части сего опуса, во время наступления общей музыкально-звуковой анархии, я нараспев читал свой ранний стих про панков, Манагер декламировал фрагменты из Платоновского “Котлована”, а Кузьма страшно матерился, скакал по комнате и стучал по полу разными предметами».*

В эту же январскую декаду Егор с Кузьмой довели, наконец, до ума самые первые «многострадальные» опусы «Гражданской Обороны», попытки работы над которыми предпринимались еще до свалившихся на них несчастий и репрессий.

Егор Летов: *«“ПОГАННАЯ МОЛОДЕЖЬ” / “ОПТИМИЗМ” – по идее, это первый единый продолжительный альбом “ГО”, который был многократно записан в 85-м году и тогда же регулярно выпускаем под всевозможными экзотическими заглавиями: The Best of “ГО”, “Поносные звучания “ГО” (двойник, часть 1-я – “Поганная молодежь”, часть 2-я – “Оптимизм”); “Первый и Последний альбом “ГО””, “История омского панка – часть 2-я”, просто “Гражданская Оборона” и т. д. Все эти записи по качеству были разнообразно чудовищны и абсо-*

лотно негуманны по отношению к слушателю (вместо ударных было исполнено и записано что попало – от портфеля до пионерского барабана и тарелки от hi-hat, прибитой к деревянному бруску, слова чрезвычайно неразборчивы, полный нестроевич и т. п.). Имели место весьма странные варианты: например, один из альбомов был практически полностью сыгран на самопальном клавишном синтезаторе (!), другой (тоже не сохранившийся, к сожалению) перемежался абсурдистскими, сверхкороткими спичами и вставками в духе конкретной музыки а-ля “Коммунизм” среднего и позднего периода. В тех записях, помимо нас с Кузьмой, также принимало участие энное количество всякого люда, имен некоторых из них невозможно даже и припомнить.



Москва, 19 февраля 1989 года, Егор Летов и Игорь Жевтун, концерт «Гражданской Обороны» и «Великих Октябрей» в ДК МЭИ, фото Лев Гончаров.

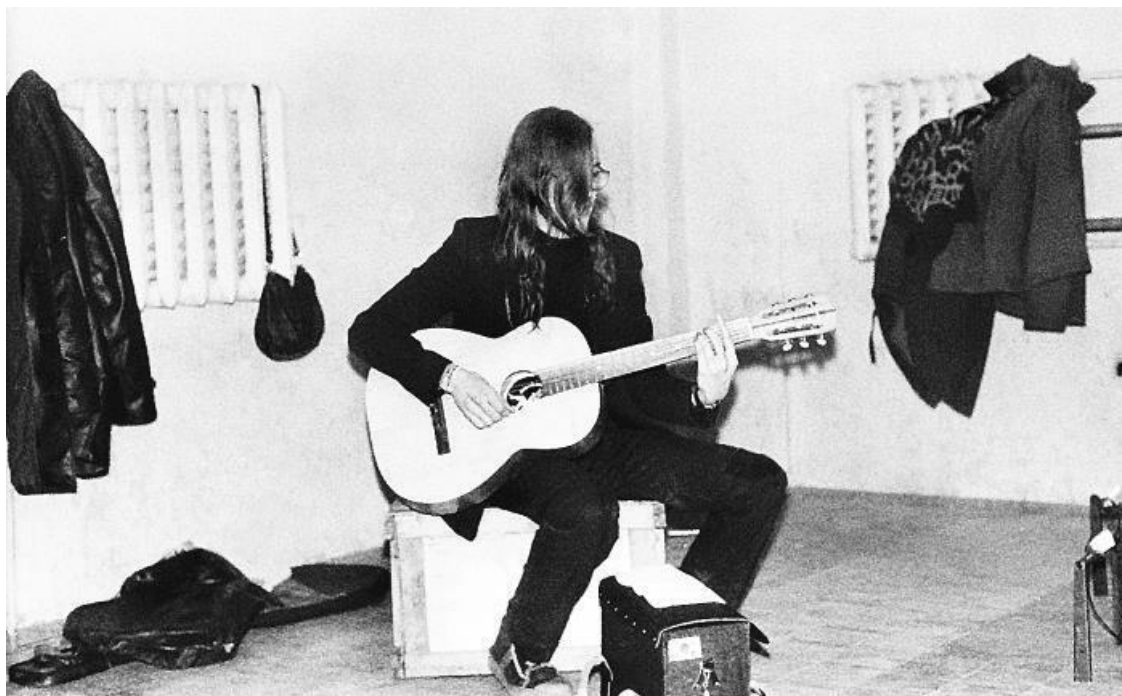
Кончилось все тем, что группа в конце 85-го была безжалостно разогнана государственными карательными органами, меня принудительно отправили в психушку, Кузьму – в армию, и весь этот материал как бы завис на два года. Впервые в удобоваримом звучании он проявился на альбоме/сборнике “Красный альбом”, записанном мной в одиночку летом 87-го. То, чем являются так называемые “первые” альбомы “ГО”, известные в народе как “Поганая молодежь” и “Оптимизм”, – в целом это ремейки материала с первого вышеупомянутого сверхдлинного альбома “ГО” 85-го года, записанные в основном 12–22 января 88-го года после возвращения Кузьмы Рябинова из армии и реабилитации от нее. При этом часть вещей была полностью переделана (как впоследствии, через год, материал для альбома “Посев”), часть воссоздана с использованием древних (85-го года) дорожек. При этом сами полученные альбомы претерпели неоднократное пересведение и перекомпоновки, мною осуществленные в течение нескольких последующих лет. В данном случае вы имеете один из первых, “оригинальных” вариантов. Деление материала на альбомы происходило по следующему принципу: в “Поганую молодежь” вошли композиции из репертуара группы “Посев”, а также сочиненные в самый ранний период существования “ГО” (то есть ноябрь 84-го – ранняя весна 85-го). В “Оптимизм” же – более поздние, весенне-летне-осенние 85-го года вещи (за исключением таких опусов, как “Я иллюзорен”, “Детский мир” и др., удачно исполненных и включенных в “Красный альбом”).»

Анархия

14 апреля 1988 года «Гражданская Оборона» без единой репетиции сыграла в ДК имени Чкалова, знаменитой «Чеколде», концерт на II Новосибирском фестивале, известный впоследствии как «Анархия в Новосибирске» и увековеченный на CD-бутлеге «Свет и стулья». Егор, играющий на барабанах и поющий, с обложкой своих будущих хитов, Олег «Манагер» Судачков в качестве второго вокалиста и шоумена, Евгений «Джон Дабл» Деев на басу, атональная гитара Дмитрия Селиванова, все уже по-взрослому и по-настоящему. Даже сейчас запись этого концертного бутлега звучит как нечто из ряда вон выходящее, что уж говорить о тех временах. А учитывая, что так называемый «магнитиздат» тогда давно уже работал на полную катушку и пленки с новой музыкой разлетались по стране крайне быстро, эта запись довольно скоро нашла своих слушателей. Еще несколько выступлений «ГО» и Летова в Сибири, Киеве, Вильнюсе и Питере – и дело оставалось за малым: полноценный концерт в столице. Что и произошло 4 декабря 1988 года в концертном зале «Измайловский» в Москве на рок-фестивале «СыРок-88». Постоянным барабанщиком «Обороны» к этому моменту стал Аркадий Климин, на басу в Москве играл Игорь Староватов, на гитаре – Игорь Жевтун: Летов, таким образом, стал свободным вокалистом. Собственно, на этом фестивале я и познакомился уже лично с Егором. Да и не только я, много кто, и не только из москвичей. Как уже было многократно сказано и написано, выступление «Обороны» произвело тогда на нас не просто фантастическое впечатление – это было, громогласно говоря, сродни невиданному доселе потрясению и откровению. Какой там русский рок, при всей нашей тогдашней симпатии к этому явлению. Какие там рок-клубы, при всем тогдашнем к ним уважении, когда вот оно, явилось само, то самое, настоящее, живое, НАШЕ. Немалая часть зрителей, и я в том числе, стремительно ломанулись к сцене и чуть ли не бились об нее башкой, снося осветительные приборы, а другая часть зрителей из того же зала в ужасе убежала. Ну и известный теперь многим контраст – только что перед тобой на сцене был эдакий безумец, чуть ли не Игги Поп времен ранних The Stooges, если даже не похлеще, а вскоре после этого тебя знакомят с тихим и спокойным молодым человеком в роговых очках, который жмет тебе руку, улыбается и представляется: «Егор». И как говорилось в финале фильма «Касабланка»: «Думаю, что это начало прекрасной дружбы». Да так оно в итоге и получилось. И это была удачная охота.

Егор Летов: *«Тесные отношения из музыкантов поддерживаю только со своей группой... Да и вообще у меня друзей, наверное, человек 10 во всем мире, из тех, кто меня давно знает, с кем можно ничего не объяснять, а просто молчать или говорить о том о сем... Потому что, чтобы человека хорошо знать, нужно вместе воевать, хоронить друзей, долго-долго жить. Или же просто пройти тем же путем. Такую духовную близость дает только сходный опыт и больше ничего. А ежели с человеком не погружался в глубины, не летал по небесам – тогда общение с ним представляет собой мучительное сопоставление понятий, то есть процесс долгий и бессмысленный, сиречь болтовня».*

Каждый из тех, кто был много лет знаком с Егором, думал, наверное, читая это спустя много лет: ну нет, это же точно не про меня, я-то как раз из тех немногих, о ком он тут говорит. Но это годы спустя, а тогда, в конце 1980-х, все закрутилось и завертелось так, что только дух успевай перевести. Надо было срочно что-то делать, ехать куда-то, надо было сидеть потом в этих не особо прекрасных далеко, в чужих квартирах и на кухнях, и до утра до хрипоты говорить обо всем на свете. А еще ведь в нашей жизни именно тогда появилась Янка, и это было уже совсем из области мгновенного чуда, потрясающей вспышки, яркого калейдоскопа, волшебного, вселенского и настоящего. Мир стал гораздо больше и важнее.



Москва, апрель 1989 года, акустический концерт Егора Летова.

Время

Тогда этот отрезок жизни, с декабря 1988-го по весну 1990-го, казался натуральной вечностью. Именно в это удивительное и совсем недолгое, как теперь видно, время случился чудовищно быстрый и вроде как необъяснимый всплеск массовой популярности «Гражданской Обороны». Эти песни пошли в народ, а на концертах творилось форменное безумие, граничащее с нешуточным риском для жизни как публики, так и самих музыкантов. Концертные залы действительно разносились зрителями в щепки и пыль, скандальная слава зачастую опережала Летова и сотоварищей, отчего организация его концертов, даже акустических, вскоре стала весьма рискованным делом. Разрушительная энергия оказалась столь велика, что справиться с ней становилось совсем не по силам никаким органам правопорядка. Это не было какой-то сознательной самоцелью, просто дикий безудержный драйв наравне с неуправляемой реакцией зрителей начинал представлять настоящую опасность. Все это напоминало ранние концерты западных рокеров 1960-х годов, о которых мы тогда знали лишь понаслышке, из иностранных журналов и рок-энциклопедий. И если группа The Who, пластинка которых A Quick One с отломанным краешком произвела на юного Егора неизгладимое впечатление, могла себе позволить крушить на сцене аппаратуру, ломать гитары и барабаны и громить концертные залы, то в нашем случае все получалось спонтанно. Да и ломать инструменты и аппарат было для отечественных музыкантов в то время себе дороже – играли на чем придется, компенсируя технические неполадки сверхчеловеческой энергией.

«В процессе сочинения я создаю нового себя, новое бытие, вообще весь мир. Себе я как я неинтересен. Я себя знаю очень хорошо, досконально: в какой степени я – говно, а в какой – гений, в какой – Бог, а в какой просто мерзость, мразь и гондон.

Интерес я представляю, когда становлюсь неким медиком, проводником. В основном когда сочиняю, конечно. Потому что концерты – это работа. Вот раньше был период ДИКИХ концертов, какие THE STOOGES и не снились. (Хотя Игги Попа я всегда уважал. Он вообще хорошо играет, а последние годы и последний альбом просто очень хорошо.) Вот эстетика концертов ранней «ОБОРОНЫ» очень хорошо выражена в песне, к сожалению, не моей, а Игги – I NEED MORE. Мне всегда всего мало. Мне всегда надо было больше. Но такие концерты народу не нравились, как я выяснил. Им надо, чтобы все было сыграно, пелось хорошо. Ну мы и играем, поем, с драйвом все делаем. А я бы делал концерты, где бы ВООБЩЕ музыки не было, чтобы все было из ряда вон. Хотя и такое у нас было, неоднократно, надо сказать. Просто людям это не надо».

Егор Летов, Омск, сентябрь 2004.

А популярность «ГО» тем временем натурально зашкаливала, стремительно нарастая, как снежный ком, как прорвавшаяся плотина, заполняя все вокруг. Вся эта партизанская война с инерцией и энтропией, развязанная Летовым, в мгновение ока привела к невиданным результатам, когда его известность встала вровень с самыми мощными и востребованными рок-героями. Но разница между ним и другими была как раз в том, что его отечественные предшественники в этой славе уже активно купались и грелись в ее лучах, а Егор всю эту благостную идиллию целенаправленно разрушал. Рок-движение, уже маленько пообвыкшееся в новых реалиях, увидело нового игрока, отчаянного и непримиримого, который не хотел вписываться в готовые схемы. Но и не признавать за ним огромного таланта и потрясающей силы было бы как-то глупо и самонадеянно. Окружение «Обороны», в которое и я сам без каких-либо размышлений немедленно влился, напоминало тогда чуть ли не религиозную секту, неистово переполнявшую друг друга все новыми парадоксальными идеями. Громко говоря, это и была

та самая рок-революция, о которой до этого так много читалось и говорилось. И в ней, как и во всякой революции, не обошлось без потерь.

Первая настоящая трагедия у нашего поколения случилась в феврале 1988 года, когда в Питере трагически погиб Александр Башлачев, как теперь понятно – один из главных поэтов того времени, даже без всякой привязки к слову «рок». А весной уже 1989 года в возрасте 25 лет покончил с собой Дмитрий Селиванов, лидер новосибирской группы «Промышленная архитектура», выступавшей на том самом фестивале «СыРок-88», где состоялся московский дебют «ГО». Селиванов играл в раннем составе «Калинова Моста», сотрудничал с «Путти», выступал с «Обороной». От него осталось считанное количество записей, да и публичных концертов Селиванов дал совсем немного. И уход его был страшным потрясением для всех, кто его знал или хотя бы слышал. Ну а о концерте памяти Селиванова в начале июня 1989 года в Новосибирске уже достаточно много сказано и написано. Мы с моим коллегой по журналу «Контр Култ Ур'а» Левой Гончаровым были там и не меньше всей сибирской братии поразились дикости и неуместности этого действия, когда мемориал и дань памяти превращается в сабантуй в битком набитом зале. Уже тогда стало понятно, что все эти поминальнички от лукавого, а за фразами «помним-скорбим» и под благими намерениями скрываются пляски на костях. «Памятник Башлачеву отправил вам запрос на добавление в друзья». *«Мой друг повесился у вас на глазах, он сделал харакири у вас на крыльце, он истек надеждой и всем, чем мог, а все вы остались такими же»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.